
И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Сентябрь 1851

Отрывок

Перелистывая «Сын Отечества», я отчего-то вдруг впал в грустное расположение духа и, чтобы рассеять себя, принялся за «Москвитянин». Там я нашел между прочим возражение мне, подписанное буквою Г.; но так как, вероятно, эта буква более или менее выражает взгляды журнала, то я буду адресовать речь мою не к букве Г., а к «Москвитянину», или, вернее, к молодой редакции «Москвитянина». Молодая редакция, прежде нежели возражает мне, предлагает себе вопросы: «отчего известное направление вопиет сначала... против всего ему предшествовавшего во имя чего-то нового, потом, когда истощит все, что в этом новом было справедливого, пустится в крайности, — застынет или, лучше сказать, окаменеет в них и позорит все простое, все некрайнее именем нового, молодого? и т. д. Что за беда, если положения новы, были бы они истинны? Зачем упрекать в претензиях на новость то, что этой претензии не имеет?..» (№ 15, стр. 337 и 338). Далее начинаются возражения пункт за пунктом (стр. 339, 340 и 343).

«Не может быть, чтобы г. Новый Поэт действительно подозревал нас в провозглашении *высоких и новых истин*... Не может быть, чтобы г. Новый Поэт был искренен в своей иронии над *художественностью*... Не может быть, чтобы он серьезно смеялся над *искренностью*, которой требуем мы от художественных произведений (?). Не может быть, чтобы можно было добросовестно обвинять нас в поклонении драматическому этюду г. Островского, как идеалу искренних произведений...».

Новый Поэт имеет честь отвечать на это, что над словом *художественность* и над прилагательным *художественные* произведения он никогда не думал шутить, потому что он очень хорошо понимает значение этих слов; шутит же он над ложным применением этого слова и прилагательного, которые беспрестанно употребляются нашими журналами совершенно невпопад и некстати...

Известно всем и каждому, что есть два рода талантов: таланты первостепенные, или художественные, и таланты второстепенные, или беллетристические. В произведениях первых глубина содержания всегда тесно связана с изящностью, с красотой формы. Эти произведения, носящие на себе печать высокого творчества, возводящие в *перл создания*, как говорит один русский писатель, явления вседневной жизни со всею тонкою и недоступною для простого глаза наблюдательностью или воскрешающие перед нами во всей полноте и ясности жизнь прошедшую, — эти самобытные произведения составляют эпохи в литературе, в которой они являются. Они дают направление, жизнь и пищу талантам второстепенным, которые не что иное, как более или менее удачные подражатели первых. — Первые удовлетворяют потребностям всех веков и всех образованных народов; вторые по большей части удовлетворяют только требованиям минуты, потребностям современного вкуса. — Первые переживают века; вторые живут более или менее

продолжительно. — Первые, как явления редкие, есть роскошь, вторые — насущный хлеб читающей публики, следовательно, значение их очень важно... У нас, как в молодой, еще не оперившейся литературе, все лезут в гении, в первостепенные таланты и как будто стыдятся названия беллетриста, а критика наша, вместо того чтобы останавливать эти смешные порывы и указывать каждому свое место, еще поощряет их. Явись какое-нибудь произведение, обнаруживающее талант, имеющее справедливо заслуженный успех в публике, критика тотчас становится на ходули, начинает трактовать о новом произведении как о чем-то необыкновенном, рассматривать его непременно с художественной точки зрения и свои восторженные возгласы пересыпать словами *художественность, художественное произведение*... Еще недавно по поводу одной, прекрасной впрочем, повести «Москвитянин» в небольшой статейке двадцать раз — я имел терпение счесть — повторил слова *художественность и художественное произведение*. Не забавно ли все это, скажите, бога ради?..

Повторяю вам, м. м. г. г., что для меня смешно не слово *художественность*, имеющее значение, когда речь идет о сочинениях Шекспира, Вальтер-Скотта или Диккенса, Пушкина, Гоголя, — а применение этого слова к таким произведениям, которые только что выходят из уровня посредственности. Смотрите на все, милостивые государи, попроще, перестаньте возводить простых, хотя и талантливых смертных в художники, в гении, перестаньте играть серьезными словами, не опешляйте этих слов и, пожалуйста, не усиливайтесь натягиваться до *пафоса*. Это нравилось, это производило эффект десять лет тому назад, а теперь это просто смешно. Вспомните грустное восклицанье «Библиотеки для чтения», которое вам так не нравится: «теперь уже не та публика, какова была десять лет назад тому».

Новый Поэт действительно не подозревает редакцию «Москвитянина» в провозглашении высоких и новых истин, потому что истины, провозглашаемые ею теперь, в 1851 году, с небольшими изменениями и *неудачными применениями*, высказываемы были десять лет назад тому в одном из журналов, в котором он тогда участвовал. Вы сами не имеете претензии выдавать их за *новые*, но замечаете, что необходимо иногда повторять зады... Для кого? Повторяйте зады, если вам это нравится, но повторяйте их *для себя*, а не для публики и не для нас, потому что зады эти мы выучили твердо наизусть еще в оригинале и до сих пор не забыли их, но теперь, после десяти лет, мы очень хорошо понимаем, что в этих задах было ложное и что истинное. Для чего же нам повторения?

Что же касается до теории искренности, *вами* изобретенной, то, признаюсь без всяких шуток, я не понимаю, в чем тут дело. Какой это *искренности* требуете вы от художественных произведений? И может ли быть художественное произведение без искренности, или эта искренность есть уже необходимое условие всякого художественного произведения? И, главное, что такое эта искренность?

Есть ли, например, *искренность* в Шекспировом «Гамлете», который, по мнению всех, есть художественное произведение?

Находите ли вы ее в сочинениях Вальтер-Скотта, Пушкина и так далее?

Все это требует объяснения.

И как же я могу обвинять вас в поклонении этюду г. Островского как идеалу *искренних произведений*, когда я не знаю, в чем состоит эта искренность?

Но здесь, кстати, я *искренно* признаюсь, что этюд г. Островского, о котором вы упоминаете, по моему крайнему разумению, ниже всякой посредственности, и что все эти так называемые психологические тонкости в этом этюде — смешные, но насколько не забавные натяжки.

Сделайте милость, не воображайте, что я *застыл, окаменел*, и потому позорю все *простое, все некрайнее?*

Я могу уверить юную редакцию «Москвитянина», что в жилах моих еще течет горячая кровь, что мои движения необыкновенно живы и быстры, что я не терплю ничего крайнего и считаю себя величайшим поклонником простоты.

Во имя этой-то простоты я желал бы, чтобы «Москвитянин» в своей библиографии пореже смотрел на разбираемые им произведения с *художественной точки зрения* и не так часто употреблял все слова *художественность, художественные произведения* и проч.

Искренности сколько угодно, но только, сделайте одолжение, поменьше *художественности!*..

В 15 и 16 №№ «Москвитянина» нет ничего особенно замечательного, кроме статьи о *Нижегородской ярмарке*, в форме повести, подписанной буквами М. В.

И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Сентябрь 1851

Впервые: С. 1851. № 10. Современные заметки. С. 1–20. Публикуемый фрагмент — с. 5–8. Без подписи. Цензурное разрешение — 04.10.1851. Цензор А. Л. Крылов.

Фрагмент фельетона является ответом на полемическую статью Ап. Григорьева «“Современник” №№ 6 и 7» (М. 1851. № 15. С. 337–343), который, в свою очередь, также отражал очередную критическую атаку Панаева (см. наст. изд., с. 138–146) и утверждал незыблемость эстетических критериев при оценке текстов. Оправдывая употребление понятий «художественность» и «искренность», Григорьев отстаивал актуальность чисто художественной оценки произведения,

вопреки моде на пристрастную, с его точки зрения, «историческую критику». Относительно теории искренности Григорьев еще раз подчеркивал, что, вне зависимости от того, как смотреть на связь эпохи и личности автора — исторически или эстетически, — «произведение дорого, поелику оно искренне, поелику оно не клеветает на жизнь вообще и на жизнь известной эпохи в особености» (С. 340).

Панаев сосредоточился не на дискредитации самих понятий «художественность» и «искренность», а, с его точки зрения, на неверном их применении в критике «молодой редакции». Опираясь на концепцию Белинского о противопоставлении художественных и беллетристических талантов, Новый Поэт выступал против злоупотребления понятием «художественность» в статьях москвитянинцев, которые, по его мнению, принимали качественную беллетристику (например, «Тюфяка» Писемского) за высокохудожественные тексты уровня Шекспира или Скотта. Таким образом, причина разногласий между позициями двух журналов крылась в разнице литературных программ развития русской прозы и поэзии, а не в толковании понятия «беллетристика». Повести и рассказы, высоко ценимые «Москвитянином» за новации, соответствовавшие его литературной программе, могли низко цениться в «Современнике», придерживавшемся иных взглядов. Подробнее см. вступительную статью к наст. изд. и коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году», с. 645–647.

От имени «молодой редакции» Панаеву отвечал Григорьев, который в обзоре «“Современник”. № 10» упрекнул Нового Поэта в том, что тот не может сформулировать, что такое «художественность» и почему есть какие-то таланты, которые «не подлежат ее мерке» (М. 1851. № 22. С. 378–379). После этого, считал Григорьев, обсуждать что-либо с Новым Поэтом не имеет смысла.

С. 153. ...я нашел между прочим возражение мне, подписанное буквою Г. ~ Вероятно, эта буква более или менее выражает взгляды журнала... — Имеется в виду статья Григорьева «“Современник” (№№ 6 и 7)» (М. 1851. № 15. С. 337–343), которая, в самом деле, выражала общую позицию «молодой редакции».

С. 153. ...есть два рода талантов: таланты первостепенные, или художественные, и таланты второстепенные, или беллетристические. — Панаев излагает концепцию Белинского. См. наст. изд., с. 617.

С. 153. ...возводящие в перл о с з д а н и я, как говорит один русский писатель... — Слова из начала VII главы первого тома «Мертвых душ» (1842) Н. В. Гоголя.

С. 154. ...недавно по поводу одной, прекрасной впрочем, повести «Москвитянин» ~ повторил слова художественность и художественное произведение... — Скорее всего, имеется в виду рецензия Островского на повесть Писемского «Тюфяк» (1851, см. наст. изд.), в которой слово «художественный» и однокоренные с ним встречаются 15 раз.

С. 154. ...не усиливайтесь натягиваться до пафоса. — Отсылка к понятию «пафос творчества», введенному в русскую критику Белинским в пятой статье о Пушкине (январь 1844 г., см.: Белинский. Т. 6. С. 258).

С. 154. Вспомните грустное восклицанье «Библиотеки для чтения ~ не та публика, какова была десять лет назад тому». — Цитируется фраза из анонимной рецензии на сборник «Комета» в «Библиотеке для чтения» (1851. № 6. Отд. V. С. 18), в которой утверждалось, что теперь, ввиду прогресса в публике, от критика требуется глубокое знание эстетической теории и серьезное и добросовестное ее применение к текущей словесности. Григорьев в обзоре № 8 «Современника» за 1851 г. процитировал эту фразу из «Библиотеки для чтения» (неверно указав, что она содержится в рецензии «Библиотеки для чтения» на сборник Раут — БдЧ. 1851. № 6. Отд. VI. С. 70–79), а также комментировавшего ее Нового Поэта (см.: С. 1851. № 8. Отд. VI. С. 5–7), и упрекнул его в порочном стремлении приписывать слишком большую роль прогрессу в литературе и публике (см.: М. 1851. № 17. С. 161). Сам Григорьев полагал, что прогресс в литературе и в сфере идей и «веяний» — явление по меньшей мере спорное.

С. 154. ...истины, провозглашаемые ею теперь, в 1851 году ~ в одном из журналов, в котором он тогда участвовал. — Панаев в очередной раз указывает на источник эстетической концепции «молодой редакции» — статьи Белинского 1838–1841 гг. в «Отечественных записках», попутно отмечая их «неудачные применения», то есть ложные трактовки произведений, от которых автор статьи «Горе от ума»...» (1840) позже отказался. Панаев начал сотрудничать в журнале Краевского с 1839 г.

С. 154. И как же я могу обвинять вас в поклонении этюду г. Островского ~ я не знаю в чем состоит эта искренность? — Имеется в виду этюд Островского «Неожиданный случай» (1851). О полемике вокруг искренности см. преамбулу.

С. 155. В 15 и 16 №№ «Москвитянина» нет ничего особенно замечательного, кроме статьи о Нижегородской ярмарке... — Статья в духе физиологических очерков «Физиономия нижегородской

ярмарки» (№ 15). Утверждение Панаева нарочито провокативно, т. к. в этих номерах были опубликованы стихотворение Ф. Тютчева «Наш век», стихотворение Л. Мея «22 августа 1851 года» (ода на 25-летие коронации Николая I), статья А. Стурдзы «Духовная жизнь и духовная словесность на Востоке», не говоря уже о критических статьях других сотрудников.